

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

НА ИОРДАН

Часть 4

Из Иерусалима к Иерихону

Из повествований «иорданских пилигримов», следовавших по пути **Иерусалим—Иерихон—Иордан**, можно составить небольшую антологию.

Иеродиакон Иона Маленький (1650—1651): «Путь ко святому Иордану: идти по горам каменным, и меж гор путь тесен, и с тех гор сойти вниз на поле; и на том бо поле был град древний Ерихон; а ныне на том месте село, живут арапы; там же и воды Елисеевы, источник течет. Мы же в том месте ночевали; а было нас богомольцев полторы тысячи, а для сберегания из Иерусалима выезжал паша турецкой (турецкий) с войском своим: а войска с ним конных и пеших шестьсот человек, для того, что дикие арапы исходят из гор и побивают богомольцев: того ради собираются многими людьми и тако ходят на святой Иордан, и от тех мест до Иордана полем идти верст за 12; земля плодovита зело, древесна сладкого плода <...> Близ же того святого Иордана направо монастырь святого Предтечи, ныне разорен, токмо стены знать; а налево монастырь святого Герасима, разорен же. И не дошедшим нам преждереченного Ерихонского села, паша сам стал в поле, и тут повелел собрати со всякого богомольца по три ефимка за прохождение»¹.

Арсений Суханов (1652 г.): «В понедельник на Страстной неделе все народы пришли в Иерусалим поклониться святым местам от всех стран всея вселенныя. Старые и молодые, иноки и миряне, женский и мужеской пол, греки, франки, армяне и прочие еретики, иже нарицаются христиане, все рано, в отдачу часов, пойдут от града в Гефсиманские врата, иные же в Сионские, и сойдутся оboи, прешед Юдоль плачевную, на одну дорогу в Вифанию и на Иордан; овии на конях, овии пеши. В то же время и паша иерусалимский выходит с войском своим для оберегания поклонников от пустынных степных арабов. И так идут все горами и ущельми даже до Иордановой долины; иже у елисеевых вод, где пророк Елисей горькие воды в сладость претворил. И на то место пришли после полудня, и тут стали все: паша с войском в шатрах, прочие же поклонники между кустовья под древами; и тут ночевали. Тут был град Иерихон, а ныне пусто, не знать ни мало, где град был; и есть здание многое, ино цело, а ино

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконом Троицкой Лавры [Иона Маленький]. М., 1836. С. 30—31.

разорено; и то знатно в недавние лета строено и паки разорено, а не древнего Иерихона. Да тутож село, живут арабы»².

Из записок инок Серапиона (1749 г.)

Когда выбрались все уже за город и собрались все в купу, греки, франки, армяне, кофи (копты), сириане и граждане иерусалимские, тогда пришел сам мусулим турецкий, по-нашему — полковник, такожде сипая, по-нашему — сотник, а с ними многое турецкое, со оружием и хоругвями, с тимпанами и играми, пришло воинство, и велел ступать зараз сидящим на верблюдах, по два человека, а попереду многие турки на конях шли, за которыми все поклонники на верблюдах и ослятах ехали; другие же турки, вооруженные около поклонников, где можно, бегали и строй чинили, и мног тогда утиск и крик между народом был, единое от великого утеснения, другое же от узкого и тесного пути, к тому же и страшная совершается: горы высокие и яры преглубокие, каменные, несказанно тесен путь, страх и трепет отвсюду, а не иначе, от арапов и разбойников; бо оные там всюду по горам в каменех и скалах, яко мыши живут, и весьма бы туда не можно пройти, когда бы не турки с великой силой провожали.

Мы там того дня, покамест с тех гор выбрались, великой беды набрались; а полезши с тех гор и пропастей каменных, шли уже меньшую половину ровным и гладким полем, даже до святого Иордана; но мало не приходя, заночевали на том поле, близ Иерихона града; бо Иерихон на сем боку от Иерусалима состоит, и ныне есть пусто, только стоит тамо и доднесь дом Закхеев, в правой руки, когда от Иерусалима идешь до Иордана <...> Туда, до святого Иордана, идучи от Иерусалима, непременно дать треба старшему *таржаманту* червоного (золотой), а за коня другого, кроме того что и арапина того, которого есть конь, кормить надобно³.

Иеромонах Мелетий (1794 г.): «Апреля 3-го дня, в Великий понедельник, поутру рано, все поклонники, составлявшие число около 2-х тысяч человек, поехали ко Иордану; и, достигши за полдень Иерихона, остановились в палатках под сенями. Скот весь, на котором мы ехали, взяли для накормления наемщики арапы, шедшие за нами пешкáми. Часа же три и более по полуночи поднявшись, поехали от Иерихона, и пришли на Иордан на рассвете. Путь наш от Иерусалима до Иерихона был в горах, от Иерихона же до Иордана полем и равнинами все на восток»⁴.

Из записок дворян Вешняковых и купца Новикова (1805 г.)

Товарищ наш — купец Новиков и я, Иван, не упуская сего случая, вознамерились идти пешком с караваном. Вышеупомянутый Марка Яковлев согласился быть нашим сопутственником. Нас уверили, что разбойники едущих верхом удобнее останавливают, пешие же могут опасные места обегать лесом и между камнями. Сбор каравана назначен был в Гефсимании. Итак, мы, надев легкое платье, обув новые башмаки, и взяв на три дня сухарей, две бутылки и кожаную *матару* для иорданской воды, вышли трое с немалыми в руках палками, уподобляясь римским пилигримам, в Гефсиманские ворота.

² Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочия святыя места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 76.

³ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инок Серапиона 1749 года // Чтения в Обществе истории древностей Российских (ЧОИДР), 1873, июль—сентябрь. Кн. 3, отд. V. С. 118—121.

⁴ Путешествие в Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. 2-е изд. М., 1800. С. 180—181.

Начав путь, сходили мы под гору между садами. В сие время напали на нас нечаянно два мальчика арабские, кои бросаемыми камнями принудили нас спастись бегством; но они, преследуя, продолжали бросать на нас оные, которые, к счастью нашему, пролетали мимо голов, и мы избавились от сих дерзких подростков безвредно.

По приходе в Гефсиманию, дожидались мы с прочими там своих проводников около трех часов. Сии всадники, прибыв, наконец, во всех своих воинских доспехах, закричали: «ру, ру», то есть, «ступай». Между прочим, всех пересчитали, а потом скакали около нас по сторонам и стреляли из ружей и пистолетов. Передовые ехали столь скоро, что пешие принуждены были иногда и бежать; кто по старости или слабости отставал от прочих, такового проводники ускоряли в ходу побоями. Они имели 4 знамени: зеленое, красное и два желтых, с магометанскими знаками. Мы, быв окружены вооруженной конницей, уподоблялись пленникам, а не поклонникам.

Наше шествие происходило прямо к востоку мимо Авессаломовой пирамиды в Вифанию, а оттоль через высокие каменные горы просеченной местами дорогой, около которой находятся страшные пропасти, поросшие колючим кустарником. Часа через три после вечернего сумерка пришли к развалинам бывшего некогда монастыря святого Евфимия и расположились провести ночь у разрушившейся из необожженного кирпича ограды.

Арабы, невзирая на нашу усталость, не давали нам и здесь покоя: они с фонарями разносили кофе. Каждый должен был выпить чашку и заплатить две пары; не хотевшего пить от усталости, или крепко заснувшего, били палками и выливали на них по чашке горячего кофе, ибо оный наливали из самоваров, требовали по две пары. Проводники с лошадей своих седел не снимали, а и кормили их только ячменем, всыпанным в надетые на головы сумки. Они, не дав нам уснуть более одного часа, всех разбудили, чтобы продолжать путь далее. Шероховатая каменная дорога во время ночной темноты была крайне тягостна для пешеходцев, повредивших очень свои ноги; но помочь было нечем: мы пекились более о том, чтобы не отстать от каравана, а не о ногах своих. Арабы разбойники выбегали иногда из-за кустов и камней к дороге с ружьями, но напасть не отваживались. В некоторых местах сделана узкая, сажень в три и меньше, дорога через горы между глубочайшими рвами, в кои и посмотреть страшно; по сторонам лежат наваленные кучи при просекании дороги каменных обломков.

При восхождении солнца поравнялись мы с находящеюся здесь в левой стороне Кварентинской или четырёхдесятидневной горою⁵, на которой постился Христос 40 дней и 40 ночей, и где искушал Его диавол. На другой стороне дороги противолежит сей горе Мертвое, или Содомское море, *Багем* арабами называемое. В сем спустились мы под гору к Елисееву потоку, у коего находятся на пространной равнине развалины древнейшего города Иерихона, между которыми живут арабы в нескольких семействах, держат рогатый скот и пашут между перелесков землю⁶.

Кир Бронников (1821 г.): «Выехали мы из Иерусалима н Гефсиманские ворота и, миновав Гефсиманию, поднимались из-под косогора по ту сторону потока Кедрского, из которого выехали, поворота на восток, на ровное место, где увидели два зеленые развевавшиеся флага и несколько арнаутов, кои ожидали прибытия муселима и монастырского греческого драгомана.

Я с товарищем моим, миновав оных и соединясь с прочими поклонниками, ехал далее с горы на гору. Жители сей страны в то время жали зрелую пшеницу. Потом спустились в дол, а из оного поднялись на высокую гору, с которой увидели в правой

⁵ Сорокадневная гора, кварентинская (от араб. al-Quruntal) — гора ок. 380 м высотой, на которой Господь постился 40 дней перед выходом на общественное служение (Мф. 4:1—2).

⁶ Путевые записки во святыи град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. Хабаровск, 2013. С. 83.

стороне Мертвое море, по-арабски *Багем*, а впереди дороги, нам предлежавшей, равнину или Иерихонские поля⁷.

В те годы в Иерихоне не было странноприимного дома, и паломники ночевали под открытым небом, о чем пишет все тот же автор.

У потока Елисеева стояли раскинутые палатки: одна муселимова, другая греческого монастырского драгомана, а прочие для поклонников; многие, под ними укрываясь от жара, отдыхали, а другие сидели под деревьями, кои росли около потока <...> В потоке вода претеплая, да и ту верблюдами взмутили; около него растет довольно колючих, наподобие нашего шиповника, только выше, деревьев с ягодами, вкусом порядочными; но здесь сии ягоды считают за низкий плод <...> В палатках ночевали мы на сем месте, от коего около трех часов надобно идти по ровному месту до реки Иордана»⁸.

Кир Бронников побывал на Святой Земле в 1821 году; именно в этом году греки Эллады подняли восстание против турецкого ига. Эта борьба продолжалась вплоть до 1829 года, и в этот период российское паломничество в Палестину было прекращено. Но вскоре после того, как греки добились независимости, у русских паломников снова появилась возможность посещать Святую Землю. Одним из первых богомольцев, побывавших в Палестине в 1830 году, по окончании «смутного времени», был **А. Н. Муравьев**. «Сильно было общее рвение погрузиться в воды Иордана; ибо уже десять лет, от начала войны греческой⁹, малочисленность поклонников не позволяла им посещать святой реки, — пишет А. Н. Муравьев. — В прежние годы до 10 000 богомольцев всякого возраста и звания разбивали шатры свои близ Иерихона на третий день Пасхи под предводительством драгомана патриаршего и самого мусселима, который выезжал со стражей охранять их за условленную цену; но бедность духовенства лишила ныне поклонников столь утешительного странствия»¹⁰.

Краткость своего рассказа об увиденном А. Н. Муравьев объяснял прозаической причиной. «Главная моя ошибка, — пишет он, — состояла в том, что я не успел в первые два дня приготовить к сему путешествию и, доверяясь несведущим, не просил себе проводника от монастыря католического. Таким образом, не могу я сделать верного описания тех малых остатков древности, которые мне встречались на пути к Иерихону»¹¹. Тем не менее в путевых заметках Муравьева содержатся интересные сведения.

Немного далее Вифании есть колодец, близ коего, по темным преданиям палестинским, любил отдыхать Спаситель с апостолами, отходя в пустыню Иорданскую. Дорога от него идет дикими и голыми ущельями, где еще сохранились слабые признаки крепости Адонима, на границе колен Иуды и Вениамина, там, где, как говорят, сбылась притча об ограбленном самарянине, ибо в Палестине утверждают, что почти все сии притчи были основаны на происшествиях, которых самая местность еще сохранилась. Сие ущелье и донныне благоприятствует разбоям, как и вся почти дорога к Иерихону. Еще далее видны на крутизне малые следы неизвестных развалин, под которыми простирается дикий и неприступный овраг, примыкающий к пустыне Иорданской. В древности он был населен бесчисленными отшельниками лавры великого Евфимия¹², которая находилась около сих пропастей¹³.

⁷ Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824. С. 182–183.

⁸ Там же. С. 183–184.

⁹ ...От начала войны греческой... — то есть войны греков за независимость 1821–1829 годов.

¹⁰ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 137.

¹¹ Там же. С. 138.

¹² Преподобный Евфимий Великий (377–473) — отшельник, основатель монастыря.

¹³ Там же. С. 138.

Перу А. Н. Муравьева принадлежит описание Иорданской долины; она открывалась перед взором паломников, следовавших из Иерусалима к священной реке.

Здесь оканчиваются горы, и с их вершины открывается один из богатейших видов Палестины: долина Иорданская. Два дикие хребта, как две неприступные стены, тянутся от севера к югу, вдоль всего течения реки и вокруг Мертвого моря, со всех сторон представляя взорам пустынный обзор голых вершин своих, подпирающих небо Аравии и небо Палестины, в одной и той же долине вмещают они и реку благодати, и море проклятия; так смежны милость и казни! Посреди сей долины, некогда славной розами и пальмами Иерихона, тесный Иордан быстро мчится в обширном русле, изрытом его зимними волнами. Густые ивы, склоняясь над рекою, скрывают вблизи ее течение, которого живописные изгибы далеко видны с вершины гор, вместе с широкой пучиной Мертвого моря. Так впервые представляется взорам Иордан и его пустыня.

При самом спуске в сию долину, близ малого ручья, быстро текущего из подошвы гор, стоит еще на крутизне башня, быть может та, которую воздвигла подле монастыря св. Феоктиста¹⁴ императрица Евдокия для свидания с великим Евфимием, и здесь должны были находиться обители сих знаменитых отшельников, ибо летописи указывают их около потока на пути к Иерихону. Немного далее, уже на равнине, видны остатки каменного моста, принадлежавшего новому Иерихону, воздвигнутому императором Адрианом близ развалин древнего, когда он был совершенно разорен в последнюю войну Иудейскую. Мост сей отстоит менее часа от нынешнего Иерихона, или Риха, цветущего садами; но в местах столь диких трудно угадать следы веков отдаленных¹⁵.

В 1835 году на пути к Иордану через Иерихон проследовали два ученых паломника: иеромонах Аникита (в миру — князь С. А. Ширинский-Шихматов) и А. С. Норов. Путевой «отчет» **о. Аникиты** весьма краток: «13 октября, по предварительному письменному сношению моему с консулом, который прислал, для проведения нашего, каваса своего с письмом к *муселиму*, получив от сего еще двух кавасов (за плату 84 левов каждому, с пищей им и коням их) для нашего охранения, пустился я с 10-ю соотечественными товарищами в вожденный путь ко *Иордану*. Того же числа, по весьма трудной, по горам, дороге, прибыли мы в *Риху* (древний *Иерихон*), селение, бывшее городом, построенным от *Адриана*¹⁶, поблизости древнего, разоренного им Иерихона, которого развалины еще и теперь видны, и там расположились на ночлег. На пути проехали мы колодезь отдохновения Спасителя и место приключения с самарянином, впадшим в разбойники»¹⁷.

В отличие от о. Аникиты, чей литературный талант был «глубоко зарыт», **А. С. Норов** в совершенстве владел пером; его рассказ об увиденном насыщен интересными подробностями.

¹⁴ Св. Феоктист (ум. в 467 г.) — проповедник и отшельник, товарищ («сопостник») Евфимия Великого, также основатель монастыря (на полпути от Иерусалима до лавры Св. Саввы).

¹⁵ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 138—139.

¹⁶ Римский император Адриан, правил в 117—138 годах.

¹⁷ Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834—1836 годах // Христианское чтение, 1891, ч. 1, май—июнь. С. 554. Притча о милосердом самарянине не есть исторический факт. Однако это не мешает жителям Востока указывать доверчивым путешественникам место развалин той гостиницы, где, по преданию, происходила сцена благого самарянина (прим. издателя).

...С последних уступов гор Иудейских разворачивается обширная равнина Иорданская во всем пустынном величии. С востока она замкнута стенами диких гор Аравийских, а с юга недвижной плоскостью *Мертвого моря*. Изгибистое течение Иордана далеко обозначалось к северу, лентой деревьев и кустов, очень незаметной среди запустения. По всей равнине волновались, как насекомые, толпящиеся паломники; поминутно вставали шатры в разных направлениях, или вспыхивали костры. Это был народ израильский — и к горю, едва ли не большая часть из него — поклонники *золотого тельца!* Но зато как разительно отличалось от них малое стадо верующих: старцев с посохом в руках, юношей и дев, обремененных ношей родительской, матерей с грудными младенцами. Их не ожидали шатры и ковры, вина ливанские!

Мы отклонились от шума и разбили наш шатер в кустарниках, на берегу быстро бегущего потока. На противоположном берегу стояла полуразрушенная башня, окруженная несколькими арабскими хижинами. Это часть Иерихона! Отклонясь от приглашений, я сидел вдвоем с моим соотечественником, художником Е...м, при заходящем солнце, на берегу Иерихонского потока, мы глядели попеременно то на горы Иудейские, среди которых отличительно рисовалась гора *Искушения* или *Сорокадневная*, то на цепь гор Аравийских, где таится гора *Навав*, откуда последние взоры Моисея устремились на Землю Обетованную и на этот мир!

Здесь нас застала роскошная ночь Востока. Мы давно беседовали в темноте, в тихой задумчивости, как вдруг, озаривший нас свет факелов и неистовые крики вывели нас из мечтаний. Шумная толпа стремилась вслед за четырьмя полунагими вооруженными бедуинами, которые защищались один от другого мечами и щитами; это было не что иное, как игры диких жителей пустыни: узнав об европейских путешественниках, они нашли нас в темноте ночи и пришли нас потешить. Тут загорелась жестокая битва при звуке тимпанов; искры сверкали от ударов мечей, наше любопытство было удовлетворено, и хорошая пригоршня пиастров рассеяла наконец эту толпу¹⁸.

Виктор Каминский дважды посетил Святую Землю — в 1851 и 1857 годах — и дважды сподобился побывать на Иордане.

Вот рассказ Виктора Каминского о его первом «хождении» к Иордану.

После благовещенской обедни, я увидался с товарищами новых для меня наслаждений, и вскоре мы пустились в путь к священной реке, под прикрытием нескольких нанятых бедуинов и шейха¹⁹ от муселима²⁰. День был веселый. Выезжаем из города; минуем святую Гефсиманию; потом взбираемся на Елеонскую гору и следуем по дороге к Вифании. Вот и могила друга Христова. Мы сошли с лошадей и поклонились гробу праведного Лазаря.

Отсюда началась местность, незнакомая моему взору, но нечуждая сердцу: душа моя уже давно живет в Святой Земле, и проследила, с помощью воображения, все тропинки, по которым ходил Спаситель, теперь мы ехали по одной из них; да иначе и быть не могло: это единственная тропинка между двух гор, и местность не представляет возможности другой дороги. Через час пути от Вифании, доехали мы до источника, который, по сказанию, и очень вероятно, утолял жажду Божественного Странника и Его апостолов. Здесь заметны остатки здания, похожего на гостиницу. Далее, еще часа на два продолжалась гористая местность, хотя не столь уже дикая и кое-где даже обработанная; но потом, чем далее мы ехали, тем являлась она привлекательнее, а начиная от едва заметных развалин монастыря, в память благого

¹⁸ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 109—110.

¹⁹ Старшина.

²⁰ Градоначальник.

самарянина, в полном смысле поэтической: живописные горы, зеленеющие возвышенности, покрытые стадами, придавали этому краю невыразимую прелесть²¹.

Прошло еще шесть лет, и Виктор Каминский снова в Иерусалиме, в ожидании встречи с Иорданом. Путь все тот же, но рассказ бывшего паломника насыщен новыми сведениями.

На Иерихонской долине раскинуты были для поклонников палатки; там постоянно жили два драгомана из Патриархии для наблюдения за порядком; маркитанты устроили рынок. Одна рота солдат содержала караул вокруг пилигримского лагеря, а другая сопровождала пилигримов от Иерусалима до Иордана, и обратно. 20-го марта, вслед за большой партией поклонников отправился и я к священной реке.

<...> От самых Гефсиманских ворот, по склонам гор, по дороге к Иордану, сколько мог видеть глаз, все пространство было покрыто поклонниками, ехавшими на лошадях, или на ослах, и даже на верблюдах. Шум, говор, пестрота, барабаны, военная музыка, радость народа — представляли что-то необыкновенное, не вместимое в душу. Подвигаясь постепенно вперед, эта живая картина миновала апостольский колодезь, где мы освежались водой; потом прошла кровавое место и, через горы, долины и холмы, придвинулась к тому высшему пункту, откуда открывается Иорданская долина. Дав время этой массе людей спуститься в долину, я явился в виду ее тогда, когда уже все сосредоточилось в одном лагере и закипело жизнью. Несколько минут я любовался этим зрелищем, и смотрел на знакомую священную местность. Между палатками все двигалось, суенилось, как в муравейнике; вокруг лагеря блуждали верховые животные; другая их часть пробиралась к Елисеевым водам. Вот узнаю и пустынную Риху; влеве — грозная Карантаня; зеленеют дуга, оживленные ручьями; а песчаные равнины и кустарники золотятся вечерним солнцем²².

Б. П. Мансуров (1858 г.): «От Иерусалима до Иерихона, через Вифанию, 6 или 7 часов хода верхом по довольно крутым горам, — пишет отечественный палестиновед. — На половине дороги, на месте, где евангельское предание указывает ту местность, в которой ограблен был разбойниками самарянин²³, — делается обыкновенно привал; оно называлось тогда *Адомим*, т. е. место крови, и действительно природные условия оно таково, что грабители безопасно могли совершать здесь разбои; со времен Спасителя и до XIX века эта местность сохраняла постоянно свою худую славу, и только энергические меры Ибрагима паши положили конец систематическому здесь разбою. Весь огромный караван православных и армянских поклонников, соединяющихся обыкновенно для иорданского путешествия, ночует близ *Иерихона*, нынешней арабской деревни *Риха*, и на следующий день с рассветом отправляется к Иордану, отстоящему от Рихи на 2 или 3 часа»²⁴.

В те годы еще не было странноприимного дома в Иерихоне, где могли бы останавливаться на ночлег русские богомольцы. Русская духовная миссия в Иерусалиме лишь только начинала свою деятельность и не имела возможности помогать своим соотечественникам в их странствиях по Святой Земле. О тех испытаниях, которым они подвергались, повествует все тот же автор. «Русские поклонники всячески стараются совершить иорданский путь отдельно под покровительством каких-нибудь почетных путешественников, — пишет Б. П. Мансуров. — К сожалению, сим последним не всегда возможно брать наших богомольцев с собой потому, что условия пути для тех и дру-

²¹ Там же. С. 264–265.

²² Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 502–504.

²³ Ошибка: на самом деле милосердый самарянин помог ограбленному путнику.

²⁴ Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1858. С. 31.

гих не одинаковы; идя пешком за верховыми всадниками, поклонники легко могут отстать, а вся иерихонская местность не довольно верна, чтобы можно было принять на себя ответственность за беззащитных путников, о которых конвой вовсе не беспокоится; к тому же без палаток и некоторых предосторожностей иорданские ночи могут быть очень вредными по царствующим во всей долине лихорадкам. Следовательно, для русских поклонников было бы необходимо устроить отдельное караванное путешествие, при особом для них конвое, под начальством русских священников»²⁵.

Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1867 г.)

Путешественники наши как вышли из построек, так и пошли вперед не оставившаяся, кто как хотел или мог, растянувшись по пустынной дороге бесконечной вереницей. Спрашиваю одного пешехода, говорил мне один из ваших же, но конный, что ты тащишься один себе? — а что? отвечает он. — Как, что? А разбойников не боишься? — Во-то! На Иордан-то идучи бояться? У тебя, видно, Иордан-то не разнится от *Ердани* твоего села, подумал я, и заключил свою беседу пожатием плечей — единственно, что оставалось мне сделать. В самом деле, это бесстрашие или равнодушие к тому, что может случиться, замечаемое по преимуществу в наших соотечественниках, поражает здесь всякого. При всем том разрозненные массы народа к ночи благополучно спустились с гор и не доходя до Иерихона верст двух или трех, сделали привал при воде текущей. Туда же поздно ночью пришли и верблюды.

Узнав, что Миссия отправляется утром в четверток и надеется быть вечером на священной реке, я, во избежание лишнего труда и лишнего неудобного ночлега, решил примкнуть к ней. Для чего требовалась, впрочем, небольшая жертва, а именно: во-первых, надобно было нанять лошадь и, следовательно, приплатить несколько лишних пиастров²⁶, а, во-вторых, надобно было ехать скорее и иногда даже мчаться вслед за другими, что для возраста, цветущего сединой, не совсем легко. Рано утром я был уже готов в путь, но выехать пришлось не на свету, как предполагалось, а уже довольно спустя времени по восхождении солнца, т. е. часов около семи. Предводительствовал поездом нашим кавас Миссии, магометанин, знающий довольно по-русски и гордый своей долговременной службой России, но на этот раз несколько упавший духом от полученного нагоняя за поздний привод лошадей.

Ветер в течение минувшей ночи нагнал на небо облака, уже дня четыре не показывавшиеся вовсе. Бывший при нас медик утверждал, что барометр еще вчера начал упадать. Не смущаясь ничем, мы весело спустились к Гефсимании, а оттуда поднялись на Элеонскую гору и, простившись с видом Иерусалима, поехали к *Вифани*, миновав которую опять спустились в юдоль *Ход* к так называемому источнику Апостолов. Отсюда дорога идет верст на 10 большей частью ровной и мягкой стезей, чуть заметно спускаясь и делая изгибы. После одного из таковых открылся впереди красный камень, перегораживающий дорогу, с висящими за ним развалинами. Это так называемая *гостиница доброго самарянина*, известная из Евангелия. Поднимаясь к ней, мы видели при самой дороге небольшую кучу набросанных камней. Кавас сказал, что тут похоронен кто-нибудь убитый. Таких могил сотни две²⁷, прибавил он.

Еще выше на косогоре встретили мы две партии земляков. Сперва мы их приняли за остаток вчерашнего каравана и подивились было тому, что они где-то отстали от народа. Но вскоре оказалось, что мы ошибались: то были новые поклонники, вчера только прибывшие в Иерусалим из Яффы. Нашед приюты наши пустыни и узнав, в чем дело, они, недолго думая, решились и сами отправиться на Иордан. Сегодня еще до свету, не спросившись никого, они пустились в путь вслед за каким-то вожатым из них же самих, вероятно не в первый раз уже прибывшим сюда. Один из

²⁵ Мансуров Б. П. Указ. соч. С. 33.

²⁶ За осла на передний и обратный путь платили 30 пиастров, за мула 45 и 50, за лошадь 60 и 65, за мула с двумя сидельными ящиками 80, за верблюда 90. Сбруя, корм и присмотр хозяйские.

²⁷ Мenee, конечно. Другой мы не встретили на всем протяжении горной дороги (архим. Антонин).

них шел теперь поодаль от всех в одной рубахе, повесив через плечо верхнюю одежду. Ему было жарко. Если бы не каменная дорога, он снял бы, конечно и также повесил за спину себе и сапоги свои. Видно было, что он сознает себя совсем дома, чудясь, вероятно, только тому, что сегодня не Петровки, а канун Крещенья. Говорите такому, сколько хотите, что здесь не его Покровское или Ильинское, а дикая пустыня, в которой вместо Иванов да Петрованов рыщут бедуины, он вам поклонится в знак согласия и даже прибавит, пожалуй: вестимо, батюшка, чужая сторона, и все-таки пойдет, как бы шел по своему полю. Что это не храбрость и не одна вера в охраняющее Провидение, легко убедиться, вспомнив тот принцип русской жизни, который так выразительно знаменуется словом *ничего*.

<...> Мы поднялись к красному камню, который, по мере приближения нашего к нему, отделился от стоявшей за ним высоты и дал нам различить три отдельных предмета: направо от дороги — две пещеры с остатками бывших когда-то при них построек, налево — большой четырехугольник разрушенных стен, к коим примыкали когда-то изнутри комнаты и посередине двора, — две цистерны, из коих одна еще содержала в себе воду. Это, собственно, и есть так называемая *гостиница самарянина*, зовомая теперь по старой памяти *Хан* и строенная, как можно думать, уже в турецкие времена. Третий предмет — это возвышавшийся за Ханом конический холм, увенчанный развалинами, тоже не очень древними. То была некогда крепость, выстроенная четырехугольником и обнесенная рвом.

С крыши бывшей казармы мы полюбовались видом к западу — на хребет Иерусалимских гор, к востоку — на спускавшиеся к Иордану цепи горных уступов, то зеленых, то белесоватых, однообразных и безжизненных, наводящих на душу тоску и уныние, и к северу — на обширную перспективу горных равнин, оканчивавшуюся в отдаленности Ливаном, покрытым снегом. Место это находится на половине пути между Иерусалимом и Иерихоном сторожит собой всю безлюдную и зловещую пустыню.

Дождавшись тут своих отсталых, мы двинулись вперед, спускаясь с горы на гору и не видя конца спуску. Стезей нам служил уже постоянно один голый камень, иногда до того скользкий, что непривычному ездоку страшно было смотреть под ноги лошади. С левой стороны дорога стала подходить к окраине ужасного ущелья, начинающегося у самых высот Иерусалимских и идущего к Иордану. В верховьях оно называется *Фаре*, где была первая палестинская лавра св. Харитона, а при выходе в равнину *Хозева*, где также была не менее славная лавра этого имени, давшая Церкви двух великих угодников Божиих: Георгия (8 янв.) и Иоанна (28 октября). По всему ущелью несется быстрый и шумный поток, едва различаемый сверху между скалами и камышом.

В полдень мы оставили за собой горы и вступили в равнину Иордана, которой с полчаса ехали до башни, знаменующей собой местность древнего Иерихона. Не доезжая до селения, переехали вброд поток оный *Фаро-Хозевский*. Население нынешнего Иерихона голо-грязное и диво-наглое, а вид убогих хижин его недоступен описанию. Куча почти нагих детей, сидевших и бегавших по пригорку, встретила нас громким приветом: хаджи, бакшиш (поклонник, подарок!). Это делается будущими хозяевами исторического места не столько с сознанием и намерением, сколько по привычке или же просто для упражнения голоса. Ибо никто, разумеется, и не думает одаривать таких попрошаек, не располагающих к себе ничем, всего менее — своею наготою, да и они сами сегодня же утром, конечно, убедились, что сотни миновавших хаджи остались глухи к типическому слову Востока: бакшиш²⁸.

Прот. Григорий Дюков (1869 г.): «На пути к Иордану и обратно нас удивляла одна замечательная поклонница — боснянка, Мария. От Александретты капитаны ссади-

²⁸ Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007. С. 201–203.

ли ее с парохода, и она отправлена была в Дарданеллы. Но едва мы прибыли в Яффу, как и она явилась сюда и восторг ее был неописан. Когда мы ехали на Иордан, то она шла пешком впереди всех мужчин, ничего при себе не имея и питалась «миром»; казалось, что она не чувствовала усталости, имея не менее 40 лет. Смотря на нашу кавалькаду, она выразительно и метко не раз произносила: «О, моя красная дружина!»²⁹

Свящ. В. Певцов (1878 г.): «В Иерихонской равнине богомольцы обыкновенно ночуют: кто в шатрах походных, кто под открытым небом, а наутро отправляются к Иордану. После двухчасового пути по песчаной, пустынной, довольно ровной местности, покрытой мелким кустарником, перед богомольцами открывается полоса иорданских берегов, густо поросших зеленеющими, цветущими растениями»³⁰.

Из записок архимандрита Павла (Леднева) (1881 г.)

5-го октября мы отправились на Иордан. Нас всех собралось до 30 человек. Некоторые ехали на ослах, а трое шли пешком. Послан был с нами вытребованный консулом от турецкого начальства провожатый турок. Мы взяли с собой, что нужно, пищи в запас на три дня, потому что на этом пути нигде ничего купить нельзя, да и нет никаких селений; взяли также для первого дня несколько воды. Отправились в путь поутру рано. Шли мимо Дамасских иерусалимских врат, мимо Гефсимании и по горе Елеонской <...>

Из Вифании, по пути к Иерихону, мы сошли под гору в дебрь на источник, называемый Апостольским. Зовут его Апостольским потому, что, когда Спаситель шел от Иерихона во Иерусалим со апостолами, из этого источника апостолы пили воду. Продолжая путь, в обеденное время мы достигли развалин, где в древние времена была гостиница, теперь именуемая гостиницей благого самарянина. Ибо хотя евангельское сказание о впадшем в разбойники есть притча, однако в ней говорится о существовавших тогда городах Иерусалиме и Иерихоне; посему надобно полагать, что существовала и гостиница, на которую Господь указал в притче, говоря, что самарянин впадшего в разбойники возложил на своего осла и привез в гостиницу. Эта гостиница стоит на половине пути из Иерусалима во Иерихон и грядущие из Иерусалима во Иерихон, также и возвращающиеся из Иерихона во Иерусалим, на том месте отдыхают, потому что от Иерусалима до Иерихона около сорока верст, целый день пути, а потому на половине пути есть нужда в отдыхе.

Даже и в этом выражении притчи: *человек некий сходяще от Иерусалима во Иерихон*, слово *сходяще* сказано также в соответствие действительному положению пути того, ибо от Иерусалима до Иерихона путь не что иное есть, как *схождение* с высоты гор под гору. Сказывают, что Иерусалим над долиной Иорданской, в которой лежит Иерихон, возвышается на две тысячи футов. На месте гостиницы благого самарянина и мы отдыхали. Отдыхая здесь, я поучался милосердию к страждущим, и это принесло сердцу утешение. Ибо Спаситель, изрекши притчу о милосердии благого самарянина, в заключение сказал вопрошавшему его законнику: *иди и ты твори такожде* (Лук. зач. 53). И это место как бы говорило нам: *иди и ты твори такожде*³¹.

В 1882 году в России было учреждено Православное палестинское общество, одной из задач которого было содействие русским паломникам в их хождении по Святой Земле. К этому времени был обустроен паломнический путь к Иордану, о чем сообщал «Главнейший учредитель Палестинского Общества, его почетный член» **Василий**

²⁹ Дюков Григорий, прот. Заметки и воспоминания поклонника святым местам на Афоне и в Палестине в 1869 году. Харьков, 1872. С. 162.

³⁰ Певцов В., свящ. О Святой Земле. Чтение 9. СПб., 1878. С. 16.

³¹ Павел (Леднев), архим. Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие святыя места. М., 1884. С. 63–65.

Николаевич Хитрово: «Было время, и еще недавно — каких-нибудь лет 15 тому назад, когда путь к Иордану, по дебрям Иудейских гор, считался крайне трудным. Извилистая тропа, доступная лишь для пешеходов и вьючных животных, то спускаясь в долину, то подымаясь на высоты, вела в тому обрыву, где перед глазами путника внезапно открывалась вся долина Иорданская и Мертвое море. Теперь прекрасная проезжая дорога ведет до самого Иерихона и берегов Иордана, причем путь этот вполне удобно и безопасно совершается в один конец в 6—8 часов»³².

Из записок А. В. Елисеева (1884 г.)

С молитвой и осенясь крестным знаменем, выступают паломники из Иерусалима, с молитвой проходят Елеон и Вифанию; сладкоглаголивый путеводитель на дороге найдет многое, что порассказать своим многочисленным слушателям, только была бы охота слушать. Вокруг рассказчика тесной толпой теснятся поклонники; пешие не отстают от конных, у которых упрямые ослики постоянно отбиваются в сторону или своим стонущим ревом перерывают внимание слушателей. Все более и более за Вифанией растягивается караван на целые версты; вьется он пестрой змейкой по склонам гор Иудейских, обходя крутые подъемы и спуски, норовя пробираться проторенной веками тропой.

Огромный караван, впрочем, в общем не шумен; стоном не стоит над ним гомон, да шум; только ослы своим ревом, да арабы гортанной безудержной речью нарушают в общем тишину медленно подвигающегося благочестивого каравана. Громко говорит только один путеводитель, да и то голос его теряется в голове каравана; втихомолку ведутся негромкие разговоры между паломниками; порой слышатся молебное пение, гласы из стихирей или одиночный возглас; не поддержанный никем, он замолкает, а потом становится опять так тихо, что никто и не подумает, что идет масса в несколько тысяч человек. Тот, у кого животное подбодрее, да походчее, вылетит больше вперед, так же, как и добрые пешеходы, а большинство мало-помалу все поотстает, еле плетется, и караван растягивается еще более.

Обязанность кавасов и Хана Хури состоит в том, чтобы не терять из виду даже последнего из каравана, для чего один из провожатых должен ехать позади всех. Несмотря на многочисленность каравана, этим последним надо держать ухо остро, а не то — едва успеет поотстать измученный паломник или паломница, или отойти к сторонке, как лихой человек является внезапно и грабит одинокого путника. Я не скажу, чтобы эти случаи встречались часто, но они все-таки еще имеют место даже в караванах последнего времени, а про прежние годы и говорить нечего.

Первая остановка каравана бывает у Солнечного Ключа недалеко от Вифании, где паломники могут освежить себе лицо студеной водицей, а также промочить свое горло одним, другим глотком вкусной холодной воды. От этого источника, не останавливаясь вовсе, караван тянется горней дебрей Иорданской до развалин Хана — гостиницы благого самарянина, стоящих приблизительно на середине дороги от Иерусалима до Иордана; сюда голова каравана приходит часа через 3, $3\frac{1}{2}$ по выходе из Иерусалима. Здесь останавливается весь караван на отдых, особенно пешие; разостлав свои одежды и сняв сумки, располагаются наши паломники под открытым небом на голых камнях отдыхать. Кто хочет напиться, тот спускает кружку или чайник на веревочке в цистерну и добывает немного порядочной, хотя и не ключевой воды.

Часа полтора, два отдыхают здесь паломники, а потом двигаются дальше и почти без отдыха проходят остальную половину дороги по голым каменным дебрям гор, спускающимся к Иорданской долине. Так как Иерусалим стоит почти на самом гребне гор Иудейских на высоте 760 метров над поверхностью моря, а Иордан и Мертвое море лежат на 394 метра ниже, то разница в 1.150 метров дает себя знать довольно значительным спуском на 6—7-часовом расстоянии. Летом дорога до Иерихона

³² Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 163.

проходит по абсолютно выжженным горным дебрям, весной — покрытым хорошей, душистой горной травой.

После 6—7 часов пути голова каравана достигает выхода из гор Иудейских и спуска в Иорданскую долину; скалы как бы сразу расступаются, и перед глазами путника лежит за рядом уходящих назад множеством гор длинная узкая равнина, скрывающая в себе быстротечный Иордан³³.

Из записок прот. Василия Михайловского (1888 г.)

До Иордана нужно ехать часов восемь. Путь очень утомительный: хотя мы выехали вечером, но удушливый жар в горах утомил нас очень скоро, особенно при недостатке отдыха и воды для питья из цистерн на расстоянии целых шести часов пути³⁴.

Особенно задерживали путь наши спутницы, никогда на ослах не ездившие и притом решившиеся ехать на неудобных дамских седлах, которые постоянно сползали и в течение всего пути требовали поддержки со стороны провожавших арабов; к тому же наши спутницы всю почти дорогу вскрикивали и визжали, отставали от других и требовали остановок всего каравана. Сама дорога еще более усиливала общее утомление: приходилось по целым часам то взбираться на высокие горы, то спускаться с них по крутым каменным как бы лестницам, с разбитыми всячески ступеньками разной ширины и высоты. По этим ступенькам в ночное, темное время только здешние привычные ослики и умеют безопасно проходить, не спотыкаясь. И путник великую ошибку сделает, если вздумает править осликом: умное животное само знает лучше всадника, где и как удобнее и безопаснее пробраться среди камней, словно из решета выброшенных на землю.

Еще замечательная способность здешних осликов: на пути к Иерихону, недалеко от монастыря Хозевитов, по Иорданской дороге, сходятся три хребта гор, и дорога идет вдоль пропасти страшной глубины. Ослик ни за что не пойдет вдали от края этой пропасти, посередине дороги: нет, он против вашего желания и усилий провезет вас непременно по самой окраине обрыва. К счастью дорога эта не длинна, но я никогда не забуду ее: освещенная кротким сиянием луны, окруженная со всех сторон таинственно безмолвными горами и зияющими пропастями, она достойна быть изображенной кистью великого художника.

Во время подобных переходов по горам, при лунном сиянии, среди глубокой тишины и общей дремоты природы, душа моя полна была разнородных чувств, и от глубины их я дерзал иногда нарушать таинственное безмолвие библейской пустыни пением церковной песни «Спаси, Господи люди Твоя». Ко мне приставали другие голоса, и тогда оживлялись дремлющие и утомленные. Невольно вспоминалась при этом далекая родина, святая Русь, и там мирно спящие родные...

И вот, наконец, через шесть часов утомительного пути, мы добрались до хана, т. е. до дома, на месте которого, по преданию, была гостиница, принявшая доброго евангельского самарянина с путником — евреем, избитым на пути к Иерихону. В самый хан мы не вошли, а лишь ненадолго остановились у его ворот, слезли со своих животных, порасправили кости, растянувшись на земле, и немножко перекусили, потчuya друг друга пищей и питьем. Не более получаса пробыли мы здесь, потом опять на ослятах поплелись к Иерихону, до которого нужно было, говорили, ехать еще около двух часов³⁵.

Архимандрит Мефодий (1892 г.): «Когда составился наш караван (из ста человек, кто на осленках, кто на мулах, а многие и пешими), мы, около десяти часов утра, выехали из Иерусалима; впереди нас — жандарм, а сзади — кавас. Путь наш лежал

³³ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 239—242.

³⁴ Великое благодеяние сделало бы ныне Православное Палестинское Общество всему краю, если бы на полпути к Хану устроило цистерну для воды и домик для отдыха (прим. о. Василия).

³⁵ Михайловский Василий, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 76—77.

около горы Елеона — с левой стороны, и Вифании — с правой; пользуясь отдыхами, к вечеру мы приехали в Иерихон и там остались ночевать»³⁶.

Арсений (Изотов), епископ Сухумский (1894 г.): «Путешествие русских поклонников к Иордану совершается перед Богоявлением и Пасхой большим караваном в несколько сот человек; для безопасности сопровождают их кавасы консульства и Палестинского Общества. Самая большая часть наших богомольцев ходили пешие, а другие верхами на ослах, мулах и лошадях; но в настоящее время можно проехать и в экипаже, что гораздо спокойнее и безопаснее. В прежнее время, когда можно было пробираться по одной узкой тропинке, караван растягивался на три версты и более; но теперь с устройством дороги не будет этого неудобства. Ночует караван обыкновенно в Иерихоне в русском доме, в котором утомленные путники могут очень удобно отдохнуть и за приготовленными смотрительницей самоварами подкрепить свои силы; для этого одни располагаются в доме, другие в саду под деревьями апельсинов, лимонов, гранатов и бананов»³⁷.

Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский (1900 г.): «После обеда, как только стала спадать невыносимая полуденная жара, часов около 5-ти мы тронулись в путь, дорожа каждой минутой пребывания на Св. Земле. На этот раз путь лежал на восток, туда, где «у ног Иерусалима, Богом сожжена, безглагольна, недвижима мертвая страна» — Иорданская пустыня. В описаниях путешествий наших древних паломников путь к Иордану представляется невероятно трудным. К нему вела извилистая тропа, доступная только для пешеходов и вьючных животных; эта узкая тропа, усеянная камнями, то круто поднималась вверх, то спускалась вниз, в пропасть, делая движение по ней крайне трудным и небезопасным. Даже в ближайшее к нам время, каких-нибудь 8—9 лет тому назад, дорога к Иордану была затруднительна. В одном из бывших с нами описаний путешествия, совершенного в 1892 г., было сказано, что дороги на восток от Иерусалима представляются узкими тропами, усеянными камнями; в экипаже по ним ехать нет никакой возможности; даже верхом ехать рядом могут не более двух всадников (*Картавцев Е. Е.* По Египту и Палестине. Путевые заметки. СПб., 1892).

Теперь нет ничего подобного. Дорога к Иордану, как и въезд в Иерусалим, прекрасная, широкая и каменная; она выстроена, правда, недавно, только к приезду германского императора, и до сих пор сохранилась великолепно, хотя, конечно, о ней никто не заботится. В этот раз нам предстоял длинный переезд (часов около пяти) до Иерихона, где мы предполагали ночевать на пути к Иордану и Мертвому морю»³⁸.

Из записок А. А. Дмитриевского (1906 г.)

По дороге к Иерихону третьего и четвертого января тянутся на ослах и лошадях, навьюченных багажом, торговцы съестными припасами и разного рода сладостями, нарочито выезжающие из Иерусалима. Утром рано четвертого же числа большой караван поклонников, выразивших о своем желании быть в праздник Богоявления на Иордане заранее, сопровождаемый кавасами Палестинского Общества, черными арабами, служащими на наших постройках, местными шейхами на конях, с ружьями и копьями за плечами, выступает с пением духовных песнопений из Иерусалима с наших русских построек от перечного дерева. С паломниками отправляется, в качестве начальника каравана, кто-либо из служащих в Обществе, некоторые члены духовной миссии и иногда чины консульства.

³⁶ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 19.

³⁷ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 201—202.

³⁸ Арсений (Стадницкий), епископ Волоколамский. В стране священных воспоминаний. М.; СПб., 2014. С. 242.

Весь почти день караван русских богомольцев находится в дороге, медленно двигаясь по шоссированным дорогам, с частыми остановками для отдыха, например, в гостинице милосердного самарянина (хан Хасрура), и в других пунктах, иногда имеющих навес и двор, а иногда и прямо на чистом поле. Вечером поздно караван наш вступает в арабскую деревушку *Ериха* на месте древнего Иерихона, и истомленный от пути, после чаепития и сухой закуски, располагается на сладкий отдых в гостеприимном русском приюте, сооруженном здесь стараниями приснопамятного начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) (сконч. в 1894 г.) на щедрые пожертвования русского народа (нижний этаж) и августейших паломников 1881 г., великих князей Сергия и Павла Александровичей (верхний)³⁹.

«Путеводитель по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908)

Из Иерусалима путь на Иордан идет через Вифанию, и первую остановку караван делает у «Солнечного ключа», недалеко от Вифании, где протекает источник свежей и чистой воды и около него видны развалины здания с двумя сводами. По местному преданию, у этого источника Иисус Христос, при своих путешествиях в Иерусалим, часто отдыхал со своими апостолами, прохладаясь струями свежей воды. Следуя далее дикой горной дорогой, караван делает вторичную остановку у «гостиницы благого самарянина», часах в трех пути от Иерусалима. Местные жители зовут это место «Адомим», т. е. кровавое, по причине частых разбоев, в этой местности происходящих.

У самой дороги, справа, находится пещера, где в тени отдыхают путники. Невдалеке от дороги видны груды развалин города или вообще многочисленных построек. Местное предание называет их развалинами города Ефраима, куда Спаситель уединился после чудесного воскресения Лазаря, когда узнал, что Синедрион решил убить Его. Отселе дорога тянется по горным скатам, поражающим взор паломников своей безжизненностью и дикостью. Через 6—7 часов утомительного пути по диким, бесплодным и мертвым скалам караван выходит из гор Иудейских в долину Иерихонскую; скалы расступаются и перед глазами паломников раскрывается величественная долина и священная река Иордан, а далее блестит Мертвое море и синют Аравийские горы⁴⁰.

Д. В. Горохов (1914 г.): «Путешествие в Иерихон к Иордану и Мертвому морю справедливо считается одним из наиболее трудных <...> В общем же весь путь проходит по жаркой пустыне, представляющей лишь голые скалы, да изрытые зимними потоками ущелья. Отрадное место для отдыха нашли под кровом русского приюта в Ерихе, — древнем Иерихоне. На следующий день мы встали рано утром, в 3 часа, чтобы успеть посетить Мертвое море и Иордан до наступления страшной жары в Иорданской долине»⁴¹.

Из записок архимандрита Киприана (Керна) (1930 г.)

5/18 января, суббота. В 9¹/₂ поехали после обедни на Иордан, но на этот раз благополучно. Вследствие сильнейших дождей, гроз, бурь и ветров так размыло все дороги, что шоферы дальше Иерихона не повезли. Оказывается, ездил дальше и Keith-Roach и посылались войска, но проехать невозможно. Все развезло и размыло. Послали нарочного в Предтеченский монастырь и к мосту. А тут приехали из Горней игумения, о. Нифонт⁴², Miss Carey и полно монашек. Из Елеонской обители и монахини, и даже неизменная Miss Alexander.

³⁹ Дмитриевский А. А. Праздник Богоявления Господня на реке Иордане и в святом граде Иерусалиме. СПб., 1907. С. 7—8.

⁴⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 191—192.

⁴¹ Горохов Д. В. В Святой Земле. (Из впечатлений паломника). Киев, 1916. С. 25.

⁴² Нифонт (Гульдяев), иеромонах (с 1939 года — игумен). В составе РДМ с 1927 года.

Поехали в греческий монастырь; там владыка Мелитон (Мадабский) и Анастасий (Елевферопольский) и греческий консул. Проехать невозможно. Как раз при нас пришел ответ из Предтеченского. Проехать автомобилем нельзя, а только можно на животных. Мы ни с чем вернулись в 24 ч. домой⁴³.

Лидия Ступенкова (1953 г.): «В конце пятой недели я попала в Иерусалим. Волнения одинокого путешествия позади: я в сопровождении доброго соотечественника. Хорошая автомобильная дорога идет к городу Иерихону ущельями среди дикой красоты высоких гор; кругом полное безлюдие, тишина. Внизу среди ущелий и камней, то серебрясь, то скрываясь, струится, как поток, по-весеннему многоводная священная река Иордан! С дамасских высот мы все время спускаемся вниз, так как Иерихон находится на несколько сот футов ниже уровня Средиземного моря в долине, Иордана. Когда-то один из больших городов библейского времени, теперь город имеет вид бедного арабского поселка, засаженного пальмами»⁴⁴.

Инокния Наталия (Горненская обитель) (1984 г.): «То место, где совершилось Господне Крещение на Иордане, сейчас входит в пограничную зону Израиля, и поэтому только на Крещение особым разрешением сюда пускают. Было разрешение на одну машину, а поэтому несколько сестер (вместе с ними и я) пошли на автобусы от греческой Патриархии. Здесь около Яффских ворот мы вместе с паломниками и жителями Иерусалима сели в автобусы. Среди них уже много знакомых, мы встречаемся на службах у Гроба Господня и у святынь в большие праздники. Это радостное межнациональное общение, объединяющее всех единой верой и православным исповеданием истин христианства. Хотя некоторые из католиков тоже посещают православные праздники и святыни. Таков, например, о. Иоанн, очень славный священник, который посещает даже наши службы в Миссии, происхождением он немец и вот уже 27 лет живет на Святой Земле. Также ехали греческие монахини, арабские и румынские»⁴⁵.

НА ИОРДАН

Вот едем, и — туман редет
И убегает, словно тень,
Яснеет небо, солнце греет —
И засиял прекрасный день!
И я забыл свою тревогу;
Несусь, как будто в двадцать лет;
О, слава Давшему дорогу
И Показавшему нам свет!..
Как ясен город за стенами,
Как тих высокий Елеон!
Еще гора, еще уклон —
И вот Вифания пред нами!
.....
Чем дальше, круче вьется путь
И опускается в долину,

⁴³ Се восходим во Иерусалим. Иерусалимские дневники архимандрита Киприана (Жерна). Октябрь 1928 — июнь 1930. Иерусалим, 2013. С. 114—115.

⁴⁴ Ступенкова Лидия. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 3.

⁴⁵ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 69—70.

И любо весело взглянуть
В январский день на Палестину!
Как хороша она зимой,
Не то что летнею порой:
Она глядит теперь моложе,
Живей, нарядней и пригоже.
Взбираюсь на гору; гляжу,
С невольной жаждою во взоре,
На всю окрестность — и твержу:
Да это — каменное море!
И как ныряем мы по нем:
То нас до облака возносит,
То прямо в бездну чуть не бросит,
А то обрывами ползем:
Скала да пропасть — вот соседи!
И нужно сердце крепче меди,
Чтоб ехать, бодрость сохраняя;
Но верь в арабского коня.
Он на пути, едва пробитом,
Идет так бережно с тобой,
Как будто думает ногой,
Как будто смотрит он копытом.
Гуськом, извивами пути,
Плетется наша кавалькада;
Кого — чего в ней не найти,
И как пестра она для взгляда:
Монахи, женщины, купцы,
Казачка храброго десятка,
Узлы, мешочки, погребцы
И даже целая палатка!
То вдруг растянутся, то вновь
Сомкнутся все и едут прямо,
И между тихих скакунов
Осел протиснется упрямо.
И хоть порядком утомлен,
Он вдруг пойдет в главе отряда:
И в сердце детская отрада,
И смех, и шум со всех сторон.
А там вон — пляшут, что ли, груды?
И сколько их там! без числа!
Ах, нет! то движутся верблюды
Такого ж цвета, как скала.
Вот он — библейский след живучий,
Слуга полезнейший в пути,
Урод чудовищный, зыбучий,
Что страх и сесть, и страх сойти!
И вот — взглянуть душе легко —
Под сизым пологом тумана
И широко, и далеко
Видна долина Иордана...

Вся зеленеющим ковром
Она картинно приодета,
И вся в раздолье голубом
Полна играющего света.
В ней и святыня и краса;
А там, за ней, так ярко, прямо
Гор протянулась полоса,
Как золотая с чернью рама,
Во мгле струистой то блестит,
То вдруг опять темнеет снова:
Так иногда лицо сквозит
Из-под прозрачного покрова.

7 января 1874 г. Иерусалим⁴⁶.

С. П. (Пономарев Степан Иванович)

---

⁴⁶ С. П. (Пономарев Степан Иванович). По Святой Земле. Из палестинских впечатлений (1873—1874 гг.). СПб., 1879. С. 69—72.